

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-39-46
УДК 325.252(045)

Русский язык в социолингвистическом пространстве Германии как объект государственной языковой политики России

Е.В. Бестаева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

АННОТАЦИЯ

Русский язык в Германии сегодня изучают около 110 тыс. чел., немецкий в России — почти 2 млн. Очевидное противоречие состоит в том, что, если этнические немцы не составляют доминирующую неавтохтонную группу населения России, то русский язык в Германии — однозначно один из самых распространенных среди жителей и граждан страны, имеющих иммигрантское происхождение. По некоторым данным он занимает даже лидирующую позицию в этом сегменте. Его популяризация может (и должна) служить сохранению этноязыковой идентичности русскоязычного сообщества за границей. Русский язык — эффективный инструмент «мягкой силы» российской политики за рубежом, способствующий созданию/сохранению привлекательного имиджа России на международной арене, налаживанию экономических, академических и этнокультурных связей, конструированию комфортного поля обмена объективной информацией, развитию «русского мира» в его сегодняшнем масштабном понимании. В чьей зоне ответственности должно находиться решение актуальных проблем в этой области? Ответ, на взгляд автора, однозначен. Успех усилий, предпринимаемых общественными и научными организациями наших государств, реализация проектов, инициированных образовательными учреждениями и официальными органами Германии в рамках международного сотрудничества, должны быть не просто поддержаны, а в значительной степени обеспечены российской стороной.

В статье дается актуальная оценка роли русского языка и русскоязычного сообщества в социально-политическом пространстве Германии в русле образовательных, интеграционных, электоральных и иных процессов, деятельности отдельных акторов в стремлении переломить пугающую тенденцию утраты русского языка и российских культурных традиций за пределами РФ, проблемы и перспективы развития внешнего направления современной российской языковой политики

Ключевые слова: языковая политика; русский язык; государственный язык; языки мигрантов; «мягкая сила»; «русский мир»; этноязыковая идентичность

Для цитирования: Бестаева Е.В. Русский язык в социолингвистическом пространстве Германии как объект государственной языковой политики России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):39-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-339-46

ORIGINAL PAPER

Russian Language in German Socio-linguistic Space as an Object of Russian Language State Policy

E.V. Bestaeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

ABSTRACT

Today about 110 thousand people are learning Russian in Germany, and almost 2 million people are learning German in Russia. The apparent contradiction is that if ethnic Germans do not constitute the dominant non-autochthonous group in Russia, then Russian in Germany is definitely one of the most widespread languages among the residents and citizens of immigrant origin. According to some sources, it even takes the leading position in this segment. Its popularisation can (and should) serve to preserve the ethnolinguistics identity of the Russian-speaking community abroad. The Russian language is undoubtedly an effective instrument of 'soft power' in Russian policy abroad, contributing to the creation/preservation of an attractive image of Russia in the international arena, the establishment of economic, academic, and ethnocultural relations, the construction of a comfortable field of objective information exchange, the development

of the 'Russian world' in its current large-scale understanding. The answer, in the author's opinion, is unequivocal. The success of efforts undertaken by public and academic organisations of our states; the implementation of projects initiated by German educational institutions and official institutions in the framework of international cooperation should not only be supported but to a large extent ensured by the Russian side. The article gives an up-to-date assessment of the role of the Russian language and Russian-speaking community in the sociopolitical space of Germany in the course of education, integration, electoral and other processes, the activities of certain actors in striving to reverse the frightening trend of losing Russian language and Russian cultural traditions outside Russia, the problems and prospects of the external direction of contemporary Russian language policy.

Keywords: language policy; Russian language; state language; languages of migrants; "soft power"; "Russian world"; ethnolinguistic identity

For citation: Bestaeva E.V. Russian language in German socio-linguistic space as an object of Russian language state policy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):39-46. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-39-46

Продвижение собственного государственного (и/или автохтонных языков страны) за рубежом — один из лучших способов сохранить свои позиции на международной арене, преумножить влияние, обеспечить благоприятное отношение жителей иного государства к своему. Сколько бы ни говорили о несущественности для России имиджа в международном пространстве, о трудности донести свои взгляды в обстановке негативных оценок на всевозможных информационных платформах, работа в этом направлении, несомненно, должна продолжаться. И одной из крупных целевых аудиторий в таком случае становятся русскоговорящие иностранцы, часть того самого «русского мира», часто довольно серьезно влияющая на внутреннюю и внешнюю политическую повестку их новой родины.

Родной язык [в традиции многих языков — материнский (mother tongue — в английском, Muttersprache — в немецком и т.д.)], как правило, остается нашим главным средством коммуникации, равно как и воплощением тысячелетнего ментального и культурного опыта этносоциальной общности. Но, как справедливо отмечает академик В.А. Тишков, выбор языка все же определяется «рациональными мотивами индивида» [1, с. 129], особенно сегодня, когда глобальный мир стирает коммуникативные, профессиональные и культурные границы. До сегодняшнего дня в этот список включаются и этнические, но некая парадоксальность ситуации заключается в том, что при триумфальном шествии глобализации запрос на этнокультурное самосознание только растет. К сожалению, одним из подтверждений тому являются бесчисленные межэтнические конфликты. В условиях мирного сосуществования в рамках единого государства и правового поля граждане с гордостью причисляют себя к определенной этнической общности

и сохраняют в этих рамках свою этноязыковую идентичность. Важность этого признает и мировое политическое сообщество, поддерживая, к примеру, программы по сохранению и развитию малых языков на международном, государственных и региональных уровнях.

Одним из таких событий стало провозглашение ЮНЕСКО 2019 г. Международным годом языков коренных народов. Привлекает внимание тот факт, что, согласно данным организаторов, больше всего мероприятий на территории ФРГ в рамках Года были посвящены популяризации языков народов американского континента — майя, а также автохтонных языков Бразилии и Мексики (https://en.iyil2019.org/events/?ending_date_and_time=today).

Подобный опыт наталкивает на мысль, почему в рамках таких проектов столь скупо представлены в Германии, к примеру, интересы русскоязычного сообщества и русского языка как самостоятельной социополитической единицы? С этой точкой зрения можно не согласиться, сославшись на форматы мероприятий и прочее. Но, может быть, следует использовать максимум возможностей в продвижении интересов собственного этноязыкового сообщества на международном уровне, двигаясь в русле таких «демократичных» тенденций?

Не секрет, что для того, чтобы язык перестал существовать, достаточно не использовать его всего в четырех поколениях. Конечно, речь не идет о вымирании крупных языков, языков с государственным статусом. Однако столь печальный вывод напрямую касается жизни языка (а с ним и национального самосознания, понимания принадлежности к коренной культуре) в среде населения с так называемым «мигрантским фоном».

Одно из исследований в Германии, еще десятилетней давности, было посвящено этому вопросу. Судя по результатам, решающее значение имеет

тот фактор, к какому именно поколению мигрантов относится человек, и, если речь идет о представителе молодой генерации, в каком возрасте он попал в новую культурно-языковую ситуацию. Было выявлено, что дети, чей родной язык — русский, приехавшие в Германию из России и стран бывшего Советского Союза в возрасте от 0 до 10 лет, даже с друзьями из русскоговорящих семей общаются по-немецки и лишь изредка по-русски. Для тех, кто сменил страну проживания в возрасте от 11 до 17 лет, русский язык является однозначно более значимым, именно его указывают как родной и демонстрируют уверенное владение (чему способствовали годы обучения в прежних, русскоязычных, школах). Хотя, безусловно, он остается лишь языком бытового общения [2, с. 125].

Тогда же был проведен опрос группы молодых людей 15–18 лет, прибывших с родителями в Германию в возрасте от 0 до 12 лет. Примечательно, что все они в качестве родного указали русский (иногда в качестве второго родного — и немецкий). На вопрос о важности для них владения русским все ответили в диапазоне «важно» и «очень важно». Практически все сошлись во мнении, что обязательно будут учить русскому собственных детей. 100% опрошенных заявили, что гордятся тем, что знают русский язык. Около 90% заявили, что не считают некомфортным для себя разговаривать на русском в общественных местах [2, с. 110].

При этом, несмотря на очевидный интерес к сохранению русского языка в семье, тенденция к монолингвальности в пользу немецкого очевидна, даже несмотря на высокий процент браков внутри русскоговорящей общины [2, с. 126].

Важность сохранения родных языков, в том числе языков мигрантов, равно как и необходимость участия в этом самых разных структур исконного и принимающего государств, часто подчеркиваются в современном политическом дискурсе.

Есть и другое мнение, прямо противоположное этому, но отлично аргументированное. Языки мигрантов часто не являются автохтонными для принимающего государства, хотя на них могут говорить и миллионы жителей, и сотни тысяч граждан. Они — колоссальный коммуникативный ресурс, но не часть культурного наследия государства. Напомним, русский — один из самых распространенных языков современной Германии, по разным данным — второй после немецкого или третий после немецкого и турецкого. Но русский, турецкий, фарси, польский, французский, итальянский, греческий, арабский, урду и десятки других — языки населения

Германии, имеющего мигрантское происхождение. Эти языки не равны в правах с государственным немецким и автохтонными языками и диалектом (в Германии — фризские языки, датский, сорбский, языки синти и рома, нижненемецкий диалект). На региональном уровне предпринимаются значительные усилия по сохранению, документированию и популяризации последних, но, с точки зрения профессора Бернда Мейера, стало бы политическим самоубийством распространять те же усилия и на языки мигрантов. Уж лучше считать исчезновение или снижение роли языков мигрантов неким сопутствующим фактором в поддерживаемом на государственном уровне изучении и использовании немецкого языка [3, с. 191].

Защита и развитие языков мигрантов именно при поддержке принимающего государства или региональных властей совершенно нецелесообразны. Согласитесь, довольно резкое суждение. На мой взгляд, вполне справедливое, хотя довольно часто, на общей волне толерантности к многообразию, и подвергается критике.

Столь же объяснимо и стремление в российских субъектах «развивать свои национальные языки и культуры с акцентом на региональной языковой проблематике» [4, с. 51], в сотрудничестве с государственными органами или вопреки не всегда продуманным официальным решениям, в том числе, приводящим к протестным настроениям. Более того, в эту логику прекрасно укладывается концепт главного европейского документа по защите малых языков — Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой в Страсбурге еще в 1992 г. и вскоре ратифицированной в Германии. Интересы носителей неавтохтонных языков в ней не учитываются.

Соответственно, возникают 3 основных вопроса:

1. Нуждается ли государство, чьи граждане и/или их потомки в разном официальном статусе проживают за пределами его территории, в сохранении и продвижении собственного государственного или автохтонных языков за границей?

2. Кто ответственен за сохранение и популяризацию государственного или собственных коренных языков за пределами страны?

3. Возможно ли использовать родной язык (речь в данном случае идет о русском) в качестве «мягкой силы», сохраняющей традиции и умножающей влияние «русского мира» на международной арене?

Вопросы не праздные. Рассмотрим их на конкретном примере ситуации в современной Германии. Так называемые «русские немцы» (этнические

немцы из России и других государств постсоветского пространства) и представители еврейской общины в Германии — основная русскоязычная группа в ФРГ.

По данным Федерального административного ведомства ФРГ, около 2,4 млн переселенцев и поздних переселенцев приехали из стран бывшего СССР в Германию в период 1959–2019 гг. (https://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Buerger/Migration-Integration/Spaetaussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2019.pdf?__blob=publicationFile&v=5). В 90-е гг. около 200 тыс. так называемых контингентных беженцев (Kontingentflüchtlinge) еврейской национальности переехали в Германию в рамках Программы помощи людям из кризисных регионов [5, с. 131]. Подавляющее большинство — из России и Украины.

Согласно годовому отчету Федеральной статистической службы за 2019 г., примерно 7% населения Германии с мигрантским происхождением составляют выходцы из России. Эта цифра значительна уже сама по себе [первые две строчки занимают Турция (14%) и Польша (11%)]. Стоит отметить, что на пятом месте — переселенцы из Казахстана (6%) [6, с. 45], естественно, в массе своей тоже русскоязычные. То есть, как минимум 13% жителей Германии, имеющих иммигрантские корни, исконно русскоязычны. И это, не учитывая переселенцев из Украины, Белоруссии и других стран постсоветского пространства. В абсолютных цифрах это около 3,5 млн чел., большинство — из России, Украины и Казахстана [7, с. 137–138].

Оценить же на текущий период количество фактически русскоговорящих нелегко. Их, по разным оценкам, от 3 до 6 млн. Последняя цифра внушает оптимизм, но не доверие. Она включает и тех, кто изучал русский в разные периоды и в разном объеме. Исходя из всех обстоятельств и соглашаясь с мнением пресс-службы Федерального объединения исследователей миграционных процессов, около 3 млн жителей Германии можно уверенно причислить к русскоязычному сообществу (<https://mediendienst-integration.de/artikel/wie-viele-russischsprachige-leben-in-deutschland.html>). И даже такой пессимистичный прогноз представляет нам социальную группу, составляющую примерно 3,5% от населения страны.

Стоит отметить, что эта группа отличается очень высоким процентом наличия гражданства Германии, что позволяет 1,5 миллионам выражать свои предпочтения на выборах и влиять на политическую карту новой родины. При этом электоральная активность на выборах в Германии в общем

и в различных возрастных группах в частности, существенно выше и стабильнее, чем, к примеру, в соседней Франции или Великобритании [8, с. 192]. Позволю себе короткую иллюстрацию.

Граждане Германии с советскими и постсоветскими корнями в большинстве своем стабильно голосовали за христианских демократов. Это корректно и для сегодняшнего дня, однако с явной тенденцией к снижению. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) уже довольно давно не пользуется большой популярностью у наших бывших соотечественников. Левая партия набрала вес на выборах 2017 г., а 15% голосов русскоговорящих избирателей [что выше, чем в целом по стране (12,6%)] было отдано за «Альтернативу для Германии» (<https://www.initiative-quorum.org/de/themen/details/wer-sind-die-russischsprachigen-waehlerinnen-in-deutschland.html>), партию правую (в иной интерпретации — ультраправую), евро-скептическую, консервативную. Последнее обстоятельство нашло широкий отклик в немецкой прессе. Равно как и то, что два российских немца стали депутатами немецкого Парламента от «Альтернативы для Германии» (справедливости ради отмечу, что немецкая пресса наряду с этим не забывает и о русскоговорящих депутатах от других партий). Отмечались особые успехи «Альтернативы для Германии» именно в районах с высокой степенью концентрации выходцев из стран постсоветского пространства. Причинами тому (действительными или надуманными — вопрос спорный) часто объявляется чувство неприятия (несмотря на значительный период пребывания в Германии и официального признания) членов этой социальной группы со стороны германского общества и их антимигрантские настроения.

Что касается последнего, то фоном служат противоречия германской миграционной политики, колеблющейся от благоприятной к переселенцам новой волны (СДПГ), лояльно-агрессивной (ХДС/ХСС), вплоть до агрессивной в случае «Альтернативы для Германии» [9, с. 264].

Рассуждая о русскоговорящем сообществе, хотелось бы отметить, что далеко не все его члены говорят на русском свободно, и это объяснимо. В национальных республиках или автономиях СССР, в новых независимых государствах русский мог быть вторым в семье, системе образования или общественном пространстве. После переезда русский не всегда передавался от родителей детям. О выросших в Германии детях вообще довольно трудно судить с точки зрения степени владения русским.

По результатам исследования, проведенного Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, в изучении русского языка за пределами России (речь идет о 185 странах) заинтересованы сегодня около 125 млн человек. 10 миллионов из них — потенциальные носители, дети наших бывших соотечественников, проживающих за границей. (<https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=4942>). Обе цифры могут рассматриваться как серьезный успех в решении задачи популяризации русского языка.

Но если в конце 90-х — начале 2000-х гг. мы наблюдали стабильный интерес к сохранению и изучению русского в Германии, то сегодня вынуждены констатировать его снижение. Сокращается количество школ, предлагающих русский в качестве иностранного (даже в качестве третьего или четвертого), равно как и спрос на билингвальные детские сады. Эксперимент с преподаванием на русском в начальных классах некоторых школ тоже нельзя назвать успешным. Функционирующие воскресные школы не бесплатны. Кафедры славистики закрываются. По данным информационного портала «Русский мир», русский в Германии изучают не более 110 тыс. чел. (<https://russkiymir.ru/publications/254230>); в соответствии с данными Федеральной статистической службы (Statistisches Bundesamt) почти 98,5 тыс. учеников общеобразовательных школ Германии и около 10,5 тыс. в школах с профессиональным уклоном. (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bildung-Forschung-Kultur/Schulen/Tabellen/allgemeinbildende-beruflicheschulen-fremdsprachl-unterricht.html>).

Для сравнения: по данным МИД ФРГ на 2020 г., в Европе и России немецкий изучают 11 227 913 чел. — 72,7% от числа всех, изучающих этот язык в мире [10, с. 6]. Цифры впечатляют. В Великобритании — почти 1 270 000, 1 953 000 — в Польше (!), около 100 000 — в Австралии, почти 160 000 — в крошечной Боснии и Герцеговине, 128 000 — в Беларуси, 405 000 — в Египте, 1 186 000 — во Франции, 355 000 — в Дании, 117 000 — в Бразилии, 458 000 — в Италии, 184 000 — в Турции, 422 000 — в США и почти столько же — 406 000 — в Узбекистане, 535 000 — в Нидерландах. Не так впечатляюще выглядит статистика в отношении Индии (211 000) и Китая (145 000), 242 000 — в Японии. В России — почти 1,8 млн чел. [10, с. 11–18].

Практически сразу по окончании Второй мировой войны вопрос популяризации немецкого языка, в том числе, с целью постепенного улучшения имиджа государства, ответственного за крупнейшую

гуманитарную катастрофу в истории человечества, разрабатывался в Германии на самом высоком государственном уровне. Возможности обучения немецкому за рубежом и сегодня рассматриваются исключительно дифференцированно в отношении каждого государства, — с учетом исторических традиций, экономических потребностей, источников мотивации целевой группы и пр. [11, с. 216].

Коснемся деятельности организаций, что называется, на местах. Стоит отметить, речь идет о настоящих профессионалах и приверженцах идеи сохранения и популяризации русского языка.

Среди них — сотрудники Немецко-русского института культуры в Дрездене (Deutsch-Russisches Kulturinstitut e.V.), ведущие огромную работу по вопросам сотрудничества наших стран, преодоления разногласий, сохранения исторической памяти и продвижения русского языка и российской культуры в Германии.

Ассоциация преподавателей русского языка в Германии (Der Deutsche Russischlehrerverband, Bundesverband der Lehrkräfte und Freunde der russischen Sprache in Deutschland e.V.) была образована еще в далеком 1962 г. Она является частью МАПРЯЛ — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, объединяющей на сегодняшний день более 150 членов из 67 стран мира (<https://ru.mapryal.org/mapryal/members>). Коллективными членами МАПРЯЛ от ФРГ являются также названный выше Немецко-русский институт культуры в Дрездене, Общество русскоязычных родителей и педагогов Берлина МИТРА, Всегерманское профессиональное объединение «Русский язык и многоязычие», Немецкая ассоциация славистов, Грайфсвальдский университет, Институт славистики Дрезденского технического университета, Институт славистики Берлинского университета имени Гумбольдта. Сама Ассоциация преподавателей русского языка в Германии имеет 8 представительств в федеральных землях. Многие обстоятельства, в том числе пандемия коронавирусной инфекции, не позволяют сегодня проводить полномасштабные очные мероприятия, но, тем не менее, работа продолжается, и ее результатами авторы могут гордиться. И столь серьезное представительство организаций, целью которых является продвижение русского языка в Германии, не может не радовать.

Так, к примеру, Ассоциация преподавателей русского языка гимназий и университетов земель Рейнланд-Пфальц и Саар (Landesverband der Lehrkräfte der russischen Sprache an Gymnasien

und Hochschulen des Landes Rheinland-Pfalz und des Saarlandes e. V.) сотрудничает с двенадцатью школами региона, где в разном качестве (от первого до третьего иностранного языка) преподается русский, и с двумя университетами (в Трире и Майнце), сохранившими «Русский язык» как направление подготовки в рамках бакалавриата и магистратуры.

Слоган Региональной ассоциации преподавателей русского языка и славистов Баден-Вюртемберга (Der Landesverband der Russischlehrer und Slawisten Baden-Württemberg e.V.) гласит: «Учи русский, строй мосты». Не это ли наша общая цель? Русский как второй, третий, четвертый иностранный язык изучается в 19 гимназиях региона и в 11 школах профессиональной подготовки, а также в 19 вальдорфских школах.

Эти и другие партнерские объединения вносят весомый вклад в укрепление (часто — сохранение) позиций русского в системе образования Германии), отстаивают интересы русского языка как образовательной дисциплины в соответствующих министерствах и ведомствах, налаживают кооперативные связи между преподавателями, предоставляют учебно-методические материалы, организуют съезды и семинары, проводят олимпиады по русскому языку, готовят к сдаче экзаменов с целью получения международного языкового сертификата.

Союз преподавателей русского и славистов в Баден-Вюртемберге ежегодно присуждает Чеховскую премию школьникам с выдающимися результатами в изучении русского (<http://russischlehrer-bw.de/ueberuns>).

Ассоциация преподавателей русского языка земли Северный Рейн-Вестфалия (Russischlehrerverband Nordrhein-Westfalen e.V.) при помощи региональных и государственных партнеров, а также разного рода фондов сотрудничества реализует программы обмена среди школьников и студентов. По данным регионального Министерства образования, около 10000 школьников изучают русский, для 3000 есть возможность учить его в школе и как родной язык, предлагаются курсы русского языка в сфере профессионального образования и в рамках повышения квалификации (<https://www.schulministerium.nrw.de/themen/schulsystem/unterricht/lernbereiche-und-unterrichtsfacher/russisch>).

С большим или меньшим успехом действуют такие объединения в Баварии, Бремене, Гессене, Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне (<http://russischlehrer-deutschland.de/verband/>

landesverbaende/). Безусловно, все они нуждаются в поддержке российской стороны. Более того, не все 16 федеральных земель находятся в орбите внимания увлеченных людей, старающихся сохранить и укрепить позиции русского в современной пестрой языковой палитре ФРГ.

Хочу обратить особое внимание на то, что решение рассматриваемой проблемы продвижения русского языка в мире не должно ограничиваться некими количественными показателями в отношении говорящих на языке и изучающих его. Интересные данные еще в 2006 г., на фоне относительного благополучия с изучением русского в Германии, представило Федеральное статистическое агентство. Среди 2500 опрошенных молодых людей в возрасте от 12 до 25 лет, изучавших русский, 94,4% признались в том, что освоили русский язык не в той степени, чтобы суметь общаться на нем (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/177300/umfrage/beherrschen-der-russischen-sprache/#statisticContainer>). Такие результаты — еще один серьезный повод пересмотреть политику России в части продвижения русского языка за рубежом.

Основной маркер востребованности языка сегодня — рынок труда. Так, издание «Frankfurter Allgemeine» в 2016 г. сделало вывод о том, что за английским, безусловным лидером в немецкой системе образования, впрочем, как и общеевропейской [94% школьников в ЕС учат английский как (первый) иностранный], в Германии следует французский — язык соседа и делового партнера, далее — испанский с полумиллиардным контингентом носителей на планете, польский и русский (русский как наиболее популярный язык изучения среди языков стран — не членов ЕС). До сих пор несколько экзотическими остаются китайский и арабский. Первый, по признанию экспертов, значительно увеличивает конкурентоспособность на рынке труда (<https://www.faz.net/aktuell/karriere-hochschule/buero-co/fremdsprachen-im-beruf-ni-hao-oder-bonjour-14459763.html>).

На основе проведенного анкетирования 2299 наемных работников, среди которых 1021 использовали в своей работе иностранный язык, проведенного в 2018 г. в Германии, 97,4% использовали английский, 19,2% — французский, 12,5% — русский, 11,3% — испанский, 8,5% — турецкий, 7,2% — итальянский, 4,5% — китайский, 2,4% — португальский (<https://de.statista.com/infografik/13361/fremdsprachen-im-job/>). Данные вполне оптимистичны. Но нет причин не доверять и изданию Business

Insider Deutschland GmbH, утверждающему, что 93,1% всех предложений на рынке труда, содержащих требование знания иностранного языка, указывают английский, за ним — 2,9% — французский и 1,2% — испанский, только 0,3% — китайский, и лишь вслед за ним — итальянский, польский, русский и арабский (<https://www.businessinsider.de/wirtschaft/das-sind-die-wichtigsten-fremdsprachen-am-arbeitsplatz-in-deutschland/>).

К сожалению, отсутствие некоей универсальной всеохватывающей базы данных, отражающих положение русского языка как механизма конкурентного преимущества на рынке труда, не позволяет сделать однозначные выводы. Это обстоятельство укрепляет во мнении, что мы нуждаемся в проведении собственных компетентных объективных исследований, ибо статистические и прогностические данные в этом вопросе существенно разнятся. Что совершенно неудивительно, так как результаты эмпирических исследований зависят от множества факторов: вовлеченных регионов и профессиональных полей, возрастных показателей участников, уровня их образования и пр.

Эффективность языковой политики всегда стоит рассматривать через возможность исключить языковой фактор как причину социального раскола [12, с. 74]. И это измерение нельзя недооценивать. Достаточно взглянуть на ситуацию с русским языком, в частности на Украине, в странах бывшего Советского Союза. Исследуя положение русского на территории дальнего зарубежья, к примеру ФРГ, с данной точки зрения [не учитывая некие, часто политически ангажированные, попытки оценки электорального поведения ввиду (этно)языковой принадлежности избирателя], мы можем говорить именно о деполитизированном статусе русского языка.

Серьезное основание для оптимизма — внушительная доля (те самые 3,5% населения) русскоговорящих в этой стране, прекрасные примеры столь бережного отношения к русскому языку и русской (российской) культуре.

Но две цифры, приведенные выше среди десятков других, никак не позволяют закончить на мажорной ноте. Напомню, 110 тыс. чел. изучают русский в Германии, 1,8 млн — изучают немецкий в России (и в сравнении со статистикой 2015 г. эта цифра выросла на 20% [10, с. 28]). Интерес последних вызван, как правило, желанием получить образование и/или высокооплачиваемую работу в Европе, в Германии — прежде всего. И главную роль здесь играет пресловутый экономический фактор (где цель — обеспечение желаемого уровня жизни), социокультурные аспекты (включая желание воссоединения с семьей) и гуманитарные, среди которых — гарантия прав человека, перспективы личностного и профессионального роста и прочие [13, с. 90].

Анализ сложившейся ситуации был призван обратить внимание на эффективность усилий на внешнем направлении российской государственной языковой политики и очевидные трудности в реализации целей. Сохранение и популяризация русского языка за границами России — как часть государственной стратегии, как фундамент этноязыковой самобытности, как возможность идентификации огромных социальных групп в орбите «русского мира» — должны не просто декларироваться, а всемерно обеспечиваться российской стороной. Автор, в свою очередь, выражает искреннюю благодарность всем столь компетентным и увлеченным сотрудникам функционирующих в Германии и десятках других государств организаций поддержки русского языка и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик). *Полис. Политические исследования*. 2019;(3):127–144.
Tishkov V.A. Language situation and language policy in Russia (revision of categories and practices). *Polis. Political Studies*. 2019;(3):127–144. (In Russ.).
2. Anstatt Tanja. Russisch in der zweiten Generation. Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland. Ludwig M. Eichinger Albrecht Plewnia, Melanie Steinle; Hrsg. Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration. Narr Francke Attempto Verlag GmbH; 2011:101–128. ISSN 0949–409X ISBN 978–3–8233–6632–4.
3. Bernd Meyer. Herkunftssprachen als kommunikative Ressource? Ludwig M. Eichinger Albrecht Plewnia Melanie Steinle; Hrsg. Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration. Narr Francke Attempto Verlag GmbH; 2011:189–214.
4. Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении. *Новые исследования Тувы*. 2020;(1):50–61 DOI: 10.25178/nit.2020.1.4

- Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvinian language in legal and functional dimensions. *Novyye issledovaniya Tuvy*. 2020;(1):50–61. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.4
5. Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung Migrationsbericht 2015. BAMF, Silber Druck oHG, Niestetal, 2016.
 6. Statistisches Bundesamt (Destatis). Statistisches Jahrbuch 2019. Deutschland und Internationales. Westermann Druck Zwickau GmbH; 2019:716.
 7. Statistisches Bundesamt, Fachserie 1 Reihe 2.2, 2019. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2019. Statistisches Bundesamt (Destatis); 2020:521.
 8. Пырма Р. В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России. Сравнительное исследование. *Полития*. 2019;4(95):188–204. DOI: 10.30570/2078–5089–2019–95–4–188–204
Pyрма R. V. Electoral activity of youth in the USA, Great Britain, France, Germany and Russia. Comparative study. *Politia*. 2019;4(95):188–204. (In Russ.). DOI: 10.30570 / 2078–5089–2019–95–4–188–204
 9. Родионова М. Е. Вопросы миграции в электоральных процессах Европы (позиции ведущих партий Европы относительно миграционного вопроса). *Власть*. 2020; 28(1):262–267.
Rodionova M. E. Migration issues in the electoral processes of Europe (positions of the leading parties in Europe on the migration issue). *Vlast*. 2020;28(1):262–267. (In Russ.).
 10. Auswärtiges Amt. Deutsch als Fremdsprache weltweit. Datenerhebung 2020. Referat 610 — Förderung von Deutsch als Fremdsprache/Partnerschulinitiative PASCH. Bonifatius GmbH, Paderborn; 2020. 56 p.
 11. He Jun. A language policy and comparative view of the German language in Japan, Korea and China: Historical overview, present situation and future prospects (Article). [Eine sprachenpolitische und vergleichende Betrachtung der deutschen Sprache in Japan, Korea und China: Geschichtlicher überblick, Gegenwartssituation und Zukunftsperspektive. *Muttersprache*. 2020;130(3):216–234.
 12. Борисова Н. В. Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016; 60(9):67–75. DOI: 10.20542/0131–2227–2016–60–9–67–75
Borisova N. V. Politicization of language and language policy in ethnic territorial autonomies. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* = *World economy and international relations*. 2016;60(9):67–75. (In Russ.). DOI: 10.20542 / 0131–2227–2016–60–9–67–75
 13. Галас М. Л. Страновые политико-правовые основы регулирования миграционных процессов в условиях кризисного развития мирового сообщества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):85–91. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–4–85–91
Galas M. L. State's political and legal foundations for regulating migration processes in the context of the crisis in the development of the world community. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta* = *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):85–91. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–4–85–91

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ELVBestaeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ELVBestaeva@fa.ru

Статья поступила 21.03.2021; принята к публикации 05.04.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.03.2021; accepted for publication on 05.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.